

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.51>

Кагирова Василиса Андреевна

Артиклевые формы послелогов в современном восточноармянском языке

В статье впервые специально рассматриваются артиклевые формы послелогов с пространственным значением, в том числе характерные для разговорного регистра и ряда диалектов современного восточноармянского языка. Ставится задача классифицировать и описать подобные употребления с синтаксической, семантической и стилистической точек зрения. В результате произведенного анализа выделяются три основных класса артиклевых форм послелогов, в которых определенный артикль выполняет функции соответственно 1) субстантиватора; 2) притяжательного/согласовательного аффикса в посессивной конструкции; 3) показателя локатива. Если первый и второй классы употреблений в целом не противоречат нормам литературного языка и соответствуют общим закономерностям употребления определенного артикля, то третий выделяется, во-первых, как нехарактерный для литературного регистра, во-вторых, как выявляющий не описанную ранее в литературе адвербиализующую/локативную функцию определенного артикля в современном восточноармянском языке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/6/51.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 6. С. 273-278. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

24. 史有为. 《新华外来词词典》编后略记. 载《辞书研究》2016年第10期. 73-77页 (Ши Ювэй. Краткое примечание после редактирования «Словаря заимствованных слов имени Синьхуа» // Лексикография. 2016. № 10. С. 73-77).
25. 史有为. 外来的外来语及其他. 载《词库建设通讯》. 1995年第8期. 8-13页 (Ши Ювэй. Иностранные заимствования // Образование словарного фонда. 1995. № 8. С. 8-13).
26. 史有为. 新华外来词词典. 北京: 商务印书馆. 2019年. 1604页 (Ши Ювэй. Словарь заимствованных слов имени Синьхуа. Пекин, 2019. 1604 с.).
27. 杨锡彭. 汉语外来词研究. 上海人民出版社. 2007年. 296页 (Ян Сипэн. Изучение заимствованных слов в китайском языке. Шанхай, 2007. 296 с.).

Evolution of Borrowed Words Dictionaries in the Chinese Language

Gong Lei, Ph. D. in Philology

Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, the People's Republic of China
nikigong@foxmail.com

Kasymova Ol'ga Pavlovna, Doctor in Philology, Associate Professor

Bashkir State University, Ufa
olgakasymova@yandex.ru

The article is devoted to the topical issue of borrowed words – one of the most notable linguistic phenomena in any language. The study aims to determine the meaning of the notion “borrowed word” in the Chinese linguistics, which is characterised by phonetic, semantic borrowings, as well as by loans and lettered words, and to examine evolution of lexicographical representation of borrowed words. Seven dictionaries have been analysed. The research is novel in that, along with dictionaries of the early XX century, recent dictionaries are analysed for the first time. In the course of the work, comparative-historical and systematic-descriptive methods have been used. Comparison of borrowed words dictionaries allows broadening general theoretical understanding of a borrowing. The attained results conclude that there are subjective and objective factors responsible for these evolutionary changes.

Key words and phrases: lexical borrowings; Chinese lexicography; borrowed words dictionary; evolution of Chinese lexicography; Chinese language.

УДК 81

Дата поступления рукописи: 17.03.2020

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2020.6.51>

В статье впервые специально рассматриваются артиклевые формы послелогов с пространственным значением, в том числе характерные для разговорного регистра и ряда диалектов современного восточноармянского языка. Ставится задача классифицировать и описать подобные употребления с синтаксической, семантической и стилистической точек зрения. В результате произведенного анализа выделяются три основных класса артиклевых форм послелогов, в которых определенный артикль выполняет функции соответственно 1) субстантиватора; 2) притяжательного/согласовательного аффикса в посессивной конструкции; 3) показателя локатива. Если первый и второй классы употреблений в целом не противоречат нормам литературного языка и соответствуют общим закономерностям употребления определенного артикля, то третий выделяется, во-первых, как нехарактерный для литературного регистра, во-вторых, как выявляющий не описанную ранее в литературе адвербиализующую/локативную функцию определенного артикля в современном восточноармянском языке.

Ключевые слова и фразы: определенный артикль; локатив; послелог; падеж; грамматика; типология; армянский язык.

Кагирова Василиса Андреевна, к. филол. н.

Институт лингвистических исследований Российской академии наук, г. Санкт-Петербург
vasilisak@yandex.ru

Артиклевые формы послелогов в современном восточноармянском языке

В статье рассматривается функционирование артиклевых форм пространственных послелогов в современном восточноармянском языке. Несмотря на усиление интереса исследователей к материалу восточноармянского языка в последние годы, данной теме до сих пор не было посвящено специального исследования.

Между тем **актуальность** подобного исследования обусловлена ценностью данных восточноармянского языка для типологии артиклевых систем, послелогов и исследования категории принадлежности. Кроме того, детальное описание функционирования артикля обладает и **практической значимостью** – в первую очередь, для преподавания и составления учебных пособий по современному восточноармянскому языку,

поскольку, как показывает практика, именно употребление определенного артикля вызывает наибольшие затруднения у обучающихся восточноармянскому языку как иностранному.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы в первом приближении описать закономерности употребления определенного артикля с номинативной формой пространственных послелогов в современном восточноармянском языке. Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- 1) классифицировать употребления артиклевых форм послелогов;
- 2) проанализировать семантику, функции, стилистические особенности и степень обязательности употребления определенного артикля в каждом из выделенных классов;
- 3) оценить возможность постулирования не описанной ранее локативной/адвербиализирующей функции определенного артикля в современном восточноармянском языке.

В ходе исследования применялись такие **методы**, как анкетирование носителей языка (материал был получен от аспирантов и преподавателей СПбГУ, являющихся носителями современного восточноармянского языка), лексико-грамматический и синтаксический анализ текстов и корпусное исследование (при помощи ВАНК – Восточно-армянского национального корпуса (www.eanc.net)).

Функционирование определенного артикля в современном восточноармянском языке характеризуется двумя яркими особенностями, которым в последние два десятилетия был посвящен ряд работ [3; 4; 8]. К этим особенностям относятся в первую очередь: 1) поведение неоформленного имени, которое в роли субъекта или объекта занимает позицию логического ударения, то есть находится непосредственно перед спрягаемой частью глагола-сказуемого; 2) ограничение на сочетание определенного артикля с формами некоторых падежей: из пяти падежей (номинатив, датив, аблатив, инструменталис, локатив) употребление артикля возможно только с двумя, номинативом и дативом, то есть падежами, оформляющими субъект и прямой или косвенный объекты.

Эти два обстоятельства ставят под сомнение статус аффикса *-ə / -n* как определенного артикля и заставляют предполагать, что трактовка его семантики и функций связана не в последнюю очередь с устройством падежной системы и кодированием ядерных актантов.

Помимо этого, существует ряд более «периферийных» употреблений аффикса *-ə / -n*, которые до сих пор не получили специального освещения в литературе, однако, как представляется, заслуживают не меньшего внимания. К таким употреблениям относится артикль при послелогах.

Морфология послелогов в современном восточноармянском языке во многом близка другим языкам, в которых функционируют послелогии. Среди них как языки того же ареала (осетинский, турецкий), так и территориально и генетически не близкие армянскому, например, финно-угорские и монгольские. Пространственные послелогии восходят к именам и сохраняют именное словоизменение, для большинства языков это падежное и лично-числовое склонение. Пространственные послелогии часто управляют падежом, выражающим притяжательные отношения. В этом смысле армянские послелогии не оказываются типологически редкими [2, с. 89; 5, с. 12; 6, с. 143].

Однако редкостью оказывается одновременное наличие в языке отыменных пространственных послелогов и постпозитивного определенного артикля, еще большей редкостью – присоединение артикля к послелогам. Так, в обстоятельной работе Дж. Лайонза, посвященной типологии определенности и связанной с ней вопросам, случаи употребления определенного артикля с послелогамми не упоминаются [8]. Аффиксы определенности присоединяются к послелогам в некоторых финно-угорских языках, при этом они кодируют определенность управляемого послелогом имени [5, с. 12], а не *некие характеристики* самого послелога или именной группы в целом.

В современном восточноармянском языке встречается ряд случаев, когда аффикс *-ə / -n* присоединяется к послелогам, но, как представляется в первом приближении, семантика и функции его при этом могут быть весьма различными. Этот показатель, восходящий к местоименной притяжательно-указательной клитике 3-го лица, в основном утрачивает посессивную функцию и в современном языке является определенным артиклем, то есть в большинстве случаев говорить об омонимии определенного и притяжательного артиклей не приходится. Однако в некоторых употреблениях рефлекс посессивности очень сильны; к таким употреблениям относятся, в частности, термины неотчуждаемой принадлежности (части тела, термины родства, предметы одежды и т.п.). В этом случае посессор, соответствующий личному местоимению, предпочитает маркирование при помощи притяжательных клитик, а не другую возможную стратегию – сочетание притяжательного местоимения и определенного артикля. В этих случаях аффикс *-ə / -n* оказывается в дополнительной дистрибуции с притяжательными клитиками 1-го и 2-го лица [4, с. 5].

В связи с этим возникает вопрос: является ли аффикс *-ə / -n* при послелогах притяжательным (что хорошо вписывается в общую типологическую картину) или определенным (что более необычно) артиклем? В каких случаях он используется, и каковы его функции?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, была произведена попытка выявить все возможные случаи употребления аффикса *-ə / -n* при послелогах и рассмотреть их особенности. Сбор материала осуществлялся с помощью Восточноармянского национального корпуса (www.eanc.net).

Были заданы следующие параметры поиска: `post(nom,def)`. При этом осознанно была выбрана номинативная форма послелогов. Это было сделано для того, чтобы, с одной стороны, сузить рамки исследования и не рассматривать субстантивированные формы других падежей типа *seyan-i tak-i-n-ə* [стол-DAT под-DAT-0-DEF] ‘то, что под столом’, которые, как представляется, требуют отдельного исследования, а с другой стороны, оставаться ближе к литературной норме и исключить формы типа *sar-i tak-ov-ə* [гора-DAT под-INS-DEF]

‘под горой’ (напр., проходить под горой), поскольку, как уже говорилось выше, в литературном – нормированном – языке определенный артикль не употребляется с формами косвенных падежей. По этой же последней причине при выборе примеров предпочтение отдавалось переводным текстам или оригинальным текстам, изданным не ранее 1950 г.

Первую и наиболее обширную группу составили те случаи, когда при эллипсе управляемого послелогом существительного или местоимения аффикс *-ə / -n* выполняет функцию соотносения с 3-м лицом:

(1)	inč'-or какой-то	canrut'yun тяжесть	ijav спуститься:AOR:3SG	vra-n на-DEF
	na он	iren себя	anazat несвободный	ē ₁ z ₂ gum ₂ чувствовать:IMPRF:3SG _{1,2}

В этих случаях аффикс *-ə / -n* противопоставлен притяжательным клитикам 1-го и 2-го лица и, соответственно, можно утверждать, что и сам он является притяжательной клитикой. Это хорошо видно, если сравнить пример (1) с (1a, b):

(1a)	et'e если	jez вы:DAT	janjrac'rec' докучать:AOR:3SG	im мой	erg-ə песня-DEF
	netec'ek' бросать:IMP:2PL	vra-s на-1POSS	canr тяжелый	ařarka-ner предмет-PL	
‘Если вам надоела моя песня, кидайте в меня тяжелые предметы’.					
(1b)	p'ilisop'ayut'yn-ic' философия-ABL	txrut'yun печаль	ē ₁ ijnum ₂ спускаться:PRS:3SG _{1,2}	vra-d на-2POSS	
‘Философия нагоняет на тебя печаль’.					

Таким образом, в данном случае мы имеем дело с притяжательным аффиксом 3-го лица, и этот класс употреблений, по-видимому, полностью соответствует нормам литературного языка.

Следующие две группы употреблений с точки зрения нормированного литературного языка можно считать несколько маргинальными, однако они встречаются в корпусе, в том числе в переводных текстах в авторской речи.

В первом случае в идентичных контекстах встречаются как артиклевая, так и безартиклевая формы послелогов.

(2a)	partezum сад-LOC	zbosnelis гуляя	anpatčar' непрерменно	ir сам:GEN
	het-n c-DEF	ē ₁ verc'num ₂ брат:3SG _{1,2}	ir сам:GEN	miak единственный
			spasavor-i-n слуга-DAT-DEF	
‘Прогуливаясь в саду, он непременно брал с собой своего единственного слугу’.				
(2b)	...grec' писать:AOR:3SG	t'e мол	inč' что	petk' нужно
	ē COP:3SG	ir сам:GEN	het c	verc'ni брат:OPT.FUT:3SG
‘Он написал, что нужно взять с собой ’.				

Среди пространственных послелогов такое употребление наиболее характерно для послелога *dimac* ‘напротив’:

(3a)	na... он	nra он:GEN	dimac'-ə напротив-DEF	nstec' сест: AOR:3SG
‘Он... сел напротив него ’.				
(3b)	hankarc внезапно	motec'el ₁ ē ₂ подойти:PRF:3SG _{1,2}	mi IND	paron господин
	nra он:GEN	dimac' напротив	ev и	hapřtap поспешно
			nstel ₃ сест:PRF:3SG _{2,3}	harc'rel ₄ спросить:PRF:3SG _{2,4}
‘Внезапно подошел какой-то господин, сел напротив него и спешно спросил...’.				

Формальных критериев выбора между формой с артиклем и без него выявить не удастся. Я. Дум-Трагут, однако, отмечает, что употребление артикля с послелогом в номинативе характерно для разговорного языка, особенно перед глаголом-связкой в конце высказывания [7, p. 300].

Артиклевая и безартиклевая формы не составляют оппозиции, если не учитывать противопоставления между литературным и разговорным языком. Возникновение же аффикса *-ə / -n* здесь, по-видимому, также связано с посессивной основой конструкции; однако теперь аффикс уже является не показателем принадлежности 3-го лица, а определенным артиклем. Ср. примеры (4a) и (4b), где аффикс *-ə / -n* сочетается с притяжательными местоимениями 1-го и 2-го лица:

(4a)	matuc'oy-ə официант-DEF	berec' приносить:AOR:3SG	miayn только	mi один	bažak стакан
	garejur пиво	ev и	drec' ставить:AOR:3SG	im я:GEN	a'raǰ-ə перед-DEF

‘Официант принес только один стакан пива и поставил его **передо мной**’.

(4b)	du ты	tun дом	kgas приходить:COND.FUT.2SG	kin-d жена-2POSS	k'o ты:GEN
	tak-ə под-DEF	sev черный	auc-i коза-DAT	mort'i шкура	kp'ri стелить:COND.FUT:3SG

‘Когда ты придешь домой, жена постелет тебе (букв. постелет **под тебя**) шкуру черной козы’.

Таким образом, послелого образуют конструкцию, идентичную посессивной (притяжательное местоимение / определенный посессор в дативе + посессум + определенный артикль).

С другой стороны, в ряде случаев в идентичных контекстах варьируются формы с показателем локатива и аффиксом *-ə / -n* (контекст можно считать идентичным, если исключить противопоставление разговорного языка литературному). В эту группу входят прежде всего послелого *verev* ‘над’, *nerk'ev* ‘под’, *a'j'ev* ‘перед’, *etev* ‘за’, *ners* ‘внутри’, *durs* ‘снаружи’, так как именно они способны образовывать форму локатива.

В примерах с 5-го по 6-й (5a) и (6a) воспринимаются носителями языка как литературные, (5b) и (6b) – как разговорные, но тем не менее широко распространенные, (5c) и (6c) – как аграмматичные (по данным произведенного в 2012 г. опроса троих носителей восточноармянского языка – уроженцев Республики Армения, выпускников Ереванского государственного университета).

(5a)	yurak'anč'yur каждый	mard человек	ir сам:GEN	ners-um внутри-LOC	gaytnik-ner тайна-PL	uni иметь:PRS:3SG
------	-------------------------	-----------------	---------------	-----------------------	-------------------------	----------------------

‘Каждый человек хранит **в себе** тайны’.

(5b)	yurak'anč'yur каждый	mard человек	ir сам:GEN	ners- ə внутри- DEF	gaytnik-ner тайна-PL	uni иметь:PRS:3SG
------	-------------------------	-----------------	---------------	------------------------	-------------------------	----------------------

* (5c)	yurak'anč'yur каждый	mard человек	ir сам:GEN	ners внутри	gaytnik-ner тайна-PL	uni иметь:PRS:3SG
--------	-------------------------	-----------------	---------------	----------------	-------------------------	----------------------

(6a)	graseyan-i стол-DAT	verev-um над-LOC	ēl тоже	mi IND	ban нечто	ē COP:PRS:3SG	grvac написано
------	------------------------	---------------------	------------	-----------	--------------	------------------	-------------------

‘**Над столом** тоже что-то написано’.

(6b)	graseyan-i стол-DAT	verev-n над-DEF	ēl тоже	mi IND	ban нечто	ē COP:PRS:3SG	grvac написано
------	------------------------	--------------------	------------	-----------	--------------	------------------	-------------------

* (6c)	graseyan-i стол-DAT	verev над	ēl тоже	mi IND	ban нечто	ē COP:PRS:3SG	grvac написано
--------	------------------------	--------------	------------	-----------	--------------	------------------	-------------------

Конструкция с неоформленным послелогом, однако, не исключена полностью – она используется для выражения другого значения: не местонахождения объекта, а направления движения. Соответствующее противопоставление зафиксировано даже в армяно-русском словаре под ред. Е. Г. Галстяна: *verevə* ‘наверху’, *verevum* ‘наверху’, *verev* ‘наверх’ [1, с. 638].

(7)	payec' смотреть:AOR:3SG	verev наверх
-----	----------------------------	-----------------

‘Он посмотрел **наверх**’.

Этот класс вызывает особый интерес в связи с исследованием природы армянского определенного артикля в целом, поскольку, как известно, в современном литературном языке артикль находится в отношениях дополнительной дистрибуции с аффиксами косвенных падежей. Данный факт позволяет высказать предположение, что определенный артикль отчасти «встраивается» в падежную систему современного восточноармянского языка [4, с. 13]. При этом если в существующих исследованиях [4; 8] речь идет о выполнении артиклем

функции маркера номинатива, то здесь мы имеем дело с локативной, адвербиальной семантикой. Ср. также характерное для разговорного языка *tun-ə дом* [NOM]-DEF ‘дома’ vs. *tun дом* [NOM] ‘домой’.

Наконец, отдельную и принципиально отличную от предыдущих группу составляют примеры, в которых аффикс *-ə / -n* выполняет функцию субстантиватора послелого. Субстантивированная послеложная группа способна выступать в качестве любого аргумента глагола, в том числе субъекта.

Однако отделить подобные случаи от случаев, представленных в предыдущем пункте, не всегда легко. Ср. примеры (8a) и (8b):

(8a)	na он	nkateli заметный	kerp-ov способ-INST	niharel ₁ ēr ₂ худеть:PAST.PRF:3SG _{1,2}
	ač'k'-er-i глаз-PL-DAT	tak-ə под-DEF	bavakanin довольно	xorac'el ₃ ēr ₄ углубляться:PAS.PRF:3SG _{3,4}

‘Он заметно похудел, глаза довольно сильно запали (букв. **подглазие** довольно углубилось)’.

(8b)	ač'k'-er-i глаз-PL-DAT	tak-ə под-DEF	o'uk'-ner припухлость-PL	kan иметься:PRS:PL
	ases как будто	spi-ner шрам-PL	line-n быть-OPT.FUT:3PL	

‘Под глазами припухлости, как будто шрамы’.

В (8a) послелог, очевидно, занимает позицию подлежащего, в то время как в (8b) его трудно (синтаксически) трактовать иначе, чем обстоятельством места.

Встречаются, впрочем, и такие примеры, где возможна двоякая трактовка:

(8c)	tan дом:DAT	ners-ə внутри-DEF	mak'ur чистый	ēr COP:PST:3SG
------	----------------	----------------------	------------------	-------------------

‘Внутри дома было чисто’. / ‘Нутро дома было чистым’.

Таким образом, произведенный анализ употреблений определенного артикля при послелогах в современном восточноармянском языке позволяет сделать следующие **выводы**:

1. Выделяются три основных класса артиклевых форм пространственных послелогов: а) артикль при послелогах выполняет субстантивирующую функцию; б) артикль оформляет послеложную группу по принципу посессивной конструкции; в) наличие определенного артикля не мотивировано с точки зрения описанных в литературе правил оформления именных групп.

2. С точки зрения семантики, функций, стилистических особенностей и степени обязательности употребления определенного артикля выделенные классы отличаются друг от друга. Так, первый класс – субстантивированные именные группы – подпадает под общее правило, согласно которому артикль способен субстантивировать любую часть речи. Данные употребления полностью приемлемы для нормированного (литературного) языка. Послеложная группа при этом выполняет синтаксические функции, характерные для определенной номинативной именной группы: субъект, прямой объект. Употребление артикля обязательно. Второй класс – посессивные конструкции – распадается на две подгруппы, в соответствии как с синтаксико-семантической функцией артикля, так и со стилистическими ограничениями на подобного рода употребления. Первую подгруппу составляют употребления артикля в качестве посессивного маркера 3-го лица. Они полностью приемлемы для нормированного (литературного) языка и соответствуют общим правилам употребления аффикса *-ə / -n* с именами. Употребление артикля в этих случаях обязательно. Вторая подгруппа включает посессивные конструкции, в которых артикль играет роль своего рода согласовательной морфемы. Эта функция также соответствует общим правилам употребления определенного артикля в современном восточноармянском языке, однако противоречит правилам оформления послеложных групп в нормированном языке. Употребление артикля факультативно. В конструкциях третьего класса определенный артикль конкурирует с аффиксом локатива; употребление того или другого соответственно регламентируется регистром языка: в нормированном (литературном) регистре в этой функции (сирконстант места) используется локатив, употребление же номинативной артиклевой формы воспринимается как отклонение от литературной нормы.

3. С нашей точки зрения, последний класс позволяет дополнить перечень закономерностей употребления определенного артикля в современном восточноармянском языке присущей ему в ряде контекстов маргинальной локативной функцией. К таковым, безусловно, относятся рассмотренные в статье артиклевые формы послелогов.

Список условных сокращений

1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, ABL – аблатив, AOR – аорист, COND – кондиционалис, COP – глагол-связка, DAT – датив, DEF – определенный артикль, FUT – будущее время, IMP – императив, IMPRF – имперфект, IND – неопределенный артикль, INS – инструменталис, LOC – локатив, NEG – отрицание, OPT – оптатив, PAST – прошедшее время, PL – множественное число, POSS – посессивный аффикс, PRS – презенс, SG – единственное число.

Список источников

1. **Армяно-русский словарь** / гл. ред. Е. Г. Галстян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1987. 724 с.
2. **Гениш Э.** Грамматика турецкого языка. Фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания: в 3-х т. М.: ЛКИ, 2008. Т. 1. Язык, грамматика, фонетика, слова, имена существительные, имена прилагательные, местоимения, наречия. 232 с.
3. **Донабедьян А.** Неформленный субъект в западноармянском языке – к вопросу о неаккузативности // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 24-45.
4. **Кагирова В. А.** Определенный артикль в современном восточноармянском языке: типология и диахрония: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2013. 26 с.
5. **Серова Л. Н.** Морфологическая и синтаксическая структура послеложных конструкций в мокшанском и финском языках: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2006. 167 с.
6. **Цховребова З. Д.** О послелогах в осетинском языке [Электронный ресурс] // Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института Академии наук Грузинской ССР. 1963. Вып. 12. URL: <http://ossetic-studies.org/biblio/schovrebova-postpositions.pdf> (дата обращения: 14.03.2020).
7. **Dum-Tragut J.** Modern Eastern Armenian. Amsterdam: Benjamins, 2009. 743 p.
8. **Lyons J.** Definiteness. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 380 p.
9. **Yeghiazaryan L.** Caso, definitude e os sintagmas nominais no armênio: doctoral thesis. São Paulo, 2010. 200 p.

Article Forms of Postpositions in the Modern Eastern Armenian Language

Kagirova Vasilisa Andreevna, Ph. D. in Philology

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg
vasilisak@yandex.ru

The paper for the first time considers article forms of postpositions with spatial meaning including those used in colloquial speech and in some dialects of the modern Eastern Armenian language. The study aims to classify and describe these linguistic phenomena from the syntactical, semantic and stylistic viewpoints. The analysis allows identifying three basic types of article forms of postpositions in which a definite article performs the following functions: 1) substantivator; 2) possessive/coordinative affix in possessive construction; 3) locative indicator. If the first and the second form largely do not contradict literary norms and satisfy general principles of a definite article usage then the third one stands apart: firstly, this form is not typical of the literary language, and, secondly, it represents the previously undiscovered adverbializing/locative function of a definite article in the modern Eastern Armenian language.

Key words and phrases: definite article; locative; postpositions; case; grammar; typology; Armenian language.

УДК 81-23

Дата поступления рукописи: 08.12.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.6.52>

Цель исследования состоит в анализе содержания понятия «слово года» как языкового феномена, выбор которого ежегодно осуществляется лингвистическими институтами и организациями мира. *Научная новизна* статьи состоит в выявлении специфики репрезентируемых в слове года реалий, особенностей номинации языковых явлений, претендующих на данную категорию и влияющих на ее выбор в сравнительном контексте (на примере английского, испанского и русского языков). С использованием практических примеров за период 2013-2018 гг. исследуются выбранные языковые феномены, отражающие процессы эволюции познавательно-коммуникативной деятельности в различных странах мира; проводится сравнительный анализ лингвистического своеобразия слов года. *В результате* исследования систематизируются основные когнитивные модели, формирующие национальные лексемы-победители в русской, испанской и английской лингвистической практике.

Ключевые слова и фразы: слово года; лексема года; ключевой концепт; социально-политические реалии; метафора.

Ларионова Марина Владимировна, к. филол. н., доц.

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
larionova.m@list.ru

Слово года как современный языковой феномен: сравнительный анализ лингвистического своеобразия (на материале русского, испанского и английского языков)

Одной из характерных тенденций последних лет, которая активно развивается в целом ряде стран мира, стала проводимая лингвистическими институтами и организациями акция по выбору слова года. Она нацелена